

УДК 94(370)"18"

БОРЬБА В.Л. ДОЛГОРУКОВА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАНИИ В СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ В 1709 ГОДУ

Ю. Г. Косинцев

Липецкий государственный педагогический университет, 398020, Липецк, ул. Ленина, д. 42
yuri.kosincev@mail.ru

На примере деятельности русского посла в Дании В.Л. Долгорукова рассматриваются проблемы становления молодой российской дипломатии в эпоху Петра I и ее вклад в победу России в Северной войне. Инициативность молодого посла, умение правильно анализировать сложную и быстро меняющуюся международную обстановку и принимать самостоятельные решения сыграли далеко не последнюю роль в восстановлении антишведской коалиции и возвращении в войну Дании – важнейшего союзника России. Усилия Долгорукова во многом обеспечили выгодные для России условия русско-датского договора.

Ключевые слова: Петр I, Фредерик IV, В.Л. Долгоруков, Северная война, русско-датский союз.

Новый этап в развитии русской дипломатии в эпоху Петра I, тесно связанный с ходом и задачами Северной войны и ознаменованный становлением системы постоянных дипломатических миссий в ключевых странах Европы, заменившей практику эпизодически посылаемых посольств в предшествующей эпохе, привел к созданию корпуса русских дипломатов за рубежом. Несмотря на быстрые темпы его формирования, отсутствие традиций и недостаток опыта, первые представители этого корпуса довольно скоро оказались вполне соответствующими уровню поставленных перед ними проблем.

Доказательством тому является история дипломатической борьбы русского посланника в Дании Василия Лукича Долгорукова за воссоздание в 1709 г. военного союза России и Дании, сыгравшего ключевую роль в дальнейшем ходе Северной войны.

Эта история, как и некоторые другие аспекты русско-датского сближения, нашла далеко не полное отражение в предшествующей литературе. Уже в труде Н.Н. Бантыш-Каменского «Обзор внешних сношений России» была выстроена хроника русско-датских отношений и обстоятельно освещались условия союзного договора между Россией и Данией [Бантыш-Каменский, 1894, с. 240–242.]. Но проблемы восстановления Северного союза были впервые серьезно затронуты лишь С.М. Соловьевым, выявившим основные сюжетные линии переговорного процесса и хронологическую последовательность событий [Соловьев, 1962, кн. 8, т.15].

В советской историографии «датскому» аспекту восстановления Северного союза долгое время не уделялось должного внимания. В монографии Л.А. Никифорова «Русско-английские отношения при Петре I» подробно анализировалась лишь одна из причин замедления вступления Дании в Северную войну – вмешательство в русско-датские дела «морских держав» (Англии и Голландии) [Никифоров, 1950, с. 79]. Только статья Т.К. Крыловой [Крылова, 1959] в сборнике, приуроченном к 250-летию Полтавского сражения, содержала исследование ранее не рассматриваемых сторон русско-датских контактов накануне и после Полтавы. Кроме того, в ней впервые была представлена расстановка сил в руководстве Дании, проанализировано ее влияние на ход переговорного процесса и обращено внимание на роль русского посла в Дании В.Л. Долгорукова в успешном его исходе.

Существенным шагом вперед в изучении русско-датских отношений в годы Северной войны стали работы В.Е. Возгрин [Возгрин, 1974, 1977, 1986]. Но даже в специальной статье «Заключение русско-датского союзного договора 1709 г.» [Возгрин, 1974, с. 309–327], которая по праву может претендовать на наиболее полное исследование проблем вхождения датского королевства в антишведскую коалицию, вклад В.Л. Долгорукова в ее воссоздание нашел далеко не полное отражение.

Это заставляет нас еще раз обратиться к анализу деятельности В.Л. Долгорукова по восстановлению русско-датского союза на основе более подробного анализа опубликованных источников [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2; Донесения и бумаги..., 1886, т. 50]. Наиболее полное представление о ней

дают «Письма и бумаги императора Петра Великого» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2], включающие переписку В.Л. Долгорукова с Петром I и канцлером Г.И. Головкиным, царские инструкции и письма из Посольского приказа, а также отчеты и донесения посланника, позволяющие судить обо всех перипетиях дипломатических отношений России и Дании. Записки датского посланника Юста Юля [Юль, 2001] существенно дополняют картину.

* * *

Задача, которую предстояло решить В.Л. Долгорукову, несмотря на благоприятно складывающуюся внешнеполитическую обстановку, была чрезвычайно сложной.

После разгрома главных сухопутных войск шведского королевства под Полтавой перед военно-дипломатическим руководством России со всей остротой встал вопрос о дальнейших планах ведения войны. Ее продолжение было немислимо без союзников. Решительная победа русской армии побудила противников Швеции к самостоятельному поиску путей возвращения в Северный союз. Первой шаг в этом направлении сделала Саксония, испытавшая все тяготы и унижения шведской оккупации. Курфюрст Август при первых известиях об исходе битвы отдал распоряжение своим войскам о подготовке к выступлению на территорию Речи Посполитой. Внешнеполитическая активность Дрездена создавала благоприятную обстановку для возврата в Северную войну другого потенциального русского союзника – Дании.

Несмотря на полтавское поражение и гибель своей армии, Швеция оставалась все еще сильным государством. На Балтийском море по-прежнему доминировал шведский флот, насчитывавший к этому времени 48 линейных кораблей и 11 фрегатов [Штенцель, 2002, с. 287]. Поэтому союз с Данией для русского государства был важен даже более, чем в начальный период войны.

Для того чтобы принудить Швецию к миру, необходимо было создать непосредственную угрозу для ее собственных владений. Это, в свою очередь, требовало от России достижения военно-морского превосходства над шведами. Разрешить такую проблему без помощи датского королевства было практически невозможно. Русский флот делал лишь первые шаги в этом направлении. Дания же обладала солидным военно-морским потенциалом. К 1709 г. в ее распоряжении было 42 линейных корабля и 11 фрегатов [Штенцель, 2002, с. 289]. Поэтому основной задачей русского посла в Дании В.Л. Долгорукова стало вступление датчан в Северную войну [ПБПВ, 1912, т.6, с. 330].

Стоит заметить, что датчане еще с осени 1708 г. начали склоняться к союзу с Россией. К этому времени в правящих кругах Дании сложилось более адекватное представление о состоянии дел на главном фронте русско-шведского противостояния. Стало очевидным, что армия шведского короля прочно увязла в России и понесла существенные потери в ряде сражений. Особенно большое впечатление на датский двор произвела битва у деревни Лесной [ПБПВ, 1951, т.8, вып. 2, с. 753]. После нее Копенгаген поднял вопрос о пересмотре собственной политики нейтралитета [Возгрин, 1974, с. 310]. Этому способствовали и другие факторы. Так, к осени 1708 г. стало известно о намерениях Августа расторгнуть навязанный Швецией Альтранштадский договор и продолжить борьбу с Карлом XII. В Дании не могли не считаться с подобными сдвигами во внешней политике саксонского двора. Неудачи шведских войск в России наводили также на мысль о том, что Москва и Стокгольм могут в ближайшее время сесть за стол переговоров и заключить мир [Возгрин, 1974, с. 310–311]. Последнее не устраивало не только датчан, но и других европейских игроков – англичан и голландцев. В Копенгагене опасались, что вернувшийся из России со своей армией Карл XII попытается компенсировать неудачи своей восточной кампании за счет окончательного «разрешения» датско-шведских противоречий.

Был повод для беспокойства и у Лондона с Гаагой, которые также не исключали того, что выход шведского короля из Северной войны может привести к его вмешательству в войну за испанское наследство. Это могло изменить баланс сил в пользу Франции, имевшей больше шансов для привлечения в свой блок шведов, чем Англия и Голландия. Представители морских держав наметнули датской стороне, что они не будут иметь ничего против, если Дания решит вступить в войну со Швецией [Возгрин, 1974, с. 311]. Последнее имело немалое значение, так как именно англичане и голландцы гарантировали условия Травендальского мира.

Все эти факторы: отсутствие прямой угрозы датскому королевству в связи с уходом армии Карла XII далеко на Восток; трудности, выпавшие на долю главных шведских сил в России; пример Августа, решившегося на противостояние со шведами; опасность выхода Швеции из войны, а

также прекращение сдерживания антишведских устремлений Дании со стороны морских держав – уже осенью 1708 г. способствовали смене внешнеполитического вектора Копенгагена. Поэтому, когда В.Л. Долгоруков обратился к датскому королю с официальным предложением поддержать Россию в ее борьбе против общего недруга, посол получил его одобрение.

11(22) октября 1708 г. Фредерик IV заявил о своем решении отправить в Москву своего полномочного представителя для обсуждения с царем планов дальнейшего военно-политического сближения [Возгрин, 1974, с. 311]. Однако при все еще неясном исходе военной кампании в России с отбытием датского посланника в Россию не слишком торопились. В конце 1708 г. король Дании, прервав переговоры с Долгоруковым, неожиданно решил отправиться с частным визитом в Венецию, где пребывал длительное время в праздном бездействии [Возгрин, 1974, с. 312]. Только весной 1709 г. Фредерик IV отдал распоряжение о снаряжении дипмиссии в Россию, которую поручил возглавить офицеру датского флота командору Юсту Юлю [Юль, 2001, с. 415]. Однако из-за переписки с находящимся в Италии монархом об инструкциях и деталях путешествия отъезд посла затягивался [Юль, 2001, с. 16].

Неудачным оказался и выбор маршрута. У побережья Эстляндии, попав в зону патрулирования шведского флота, судно командора было задержано на значительное время сторожевым фрегатом шведов. Даже английский посол при русском дворе Ч. Витворт выразил свое недоумение: «...путь выбран весьма неудачно в виду настоящих обстоятельств. Так как, прибыв сюда, посланник вряд ли сможет увидеть царя ранее декабря» [Донесение и бумаги..., 1886, т. 50, с. 244]. Только 24 августа (3 сентября) 1709 г. датскому дипломату наконец-то удалось вступить на русский берег [Юль, 2001, с. 82]. Но к этому времени Петр I, одержавший победу при Полтаве, находился уже за пределами России для встречи с главами Саксонии и Пруссии – Августом II и Фридрихом I. Датскому дипломату пришлось почти два месяца ожидать возвращения Петра I, упустив благоприятное время для свидания с царем.

Таким образом, принятый датской стороной курс на затягивание переговоров обернулся против нее: датский посланник фактически оказался исключен из переговорного процесса в переломный момент войны и главная инициатива была передана русскому послу в Дании В.Л. Долгорукову.

Еще весной – летом 1709 г. ему приходилось вести с датской стороной длительные и безрезультатные совещания. Королевские министры в отсутствие своего монарха не имели права вступать в какие-то ни было соглашения с царским представителем.

Проблема осложнялась и тем, что датчане прекрасно понимали всю значимость своей роли в будущем антишведском блоке. Отправленный в Россию посланник Фредерика IV согласно инструкции должен был получить достоверные сведения о положении вооруженных сил русского государства и прежде всего о его военно-морских ресурсах, не случайно для этого был выбран не дипломат, а моряк.

Будучи опытным морским специалистом, Юль трезво оценил возможности русского флота. В то время он состоял в основном из галер, ботов, шняв и других мелких судов. Посол отметил наличие у русских небольшого числа фрегатов и почти полное отсутствие линейных кораблей. Он доносил в Копенгаген: «царский флот еще не велик и не представляет даже доброй эскадры» [Юль, 2001, с. 162], делая вывод о слабой боеготовности русских кораблей при их возможной встрече со шведским флотом [Юль, 2001, с. 175].

Вполне естественно, что отчеты Юля о состоянии русского флота подняли самомнение правящих кругов Дании и побудили их добиваться для себя особого статуса в антишведском альянсе. Сознавая выгоду своего положения, датская сторона хотела получить как можно больше дивидендов от вступления в новый Северный союз. Именно по этой причине датский монарх намеренно затягивал переговоры.

Самым сложным препятствием в работе русского дипломата стал вопрос об объеме субсидий, которые Россия должна была предоставить Дании за ее союзническую помощь. В феврале 1709 г. за открытие военных действий против шведов Долгоруков предлагал датской стороне разовую выплату в 300 тыс. талеров и еще 100 тыс. на каждый последующий год войны [Возгрин, 1974, с. 314]. Но эта сумма не устраивала датчан.

Понимая степень заинтересованности русских в привлечении датского флота, Фредерик IV полагал за счет России полностью компенсировать все расходы Дании в будущем конфликте. В

пришедшем 3(14) февраля 1709 г. из Венеции королевском письме Долгорукову было объявлено, что от царского правительства ожидают на начало войны платеж в 2 млн талеров и еще сверх этого ежегодные взносы в 400 тыс. до ее завершения [Возгрин, 1974, с. 314].

Однако чрезмерные требования датского двора натолкнулись на ограниченные ресурсы российской казны. К этому времени в России назрел финансовый кризис, вызванный военным перенапряжением страны и перестройкой системы государственного управления. Война с одной из сильнейших держав Европы требовала колоссальных расходов. Увеличение налоговых сборов имело свой предел, и в скором времени выяснилось, что они уже не могут покрывать всех расходов государства. Бюджет России стал испытывать острый дефицит. По данным П.Н. Милюкова, при составлении правительством сметы на 1710 г. между приходом (3,33 млн) и расходом (3,83 млн) денежных средств обнаружился огромный недостаток в 0,5 млн рублей [Милюков, 1905, с. 176], поэтому в казне к лету 1709 г. не хватало средств даже на выплату жалованья для армии.

В такой ситуации у русского правительства просто не было возможности удовлетворить финансовые запросы своих датских коллег. Перед внешнеполитическим ведомством России со всей очевидностью встала задача пересмотра ранее обещанных финансовых обязательств. Оказалось, что даже субсидии Москва пока не в состоянии выплатить. 6 мая 1709 г. глава Посольского приказа Г.И. Головкин сообщил Василию Лукичу, что в Гамбурге и Голландии представителям царского правительства было отказано в займе 300 тыс. талеров. Поэтому Долгорукову поручалось склонить руководство Дании к принятию нового варианта договора. Русский дипломат должен был предложить на рассмотрение датским сановникам новые условия соглашения: 1) принять вместо денег корабельные товары на указанную сумму; 2) увеличить финансовые обязательства России до 500 тыс. талеров, но при условии, что датчане сами возьмут их взаймы, а царь расплатится с ними по окончании войны; 3) отложить выплату субсидий на три или минимум два года с момента открытия датскими войсками боевых действий против шведов [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 837].

При недостатке денежных средств русская дипломатия попыталась привлечь датчан к союзу при помощи дополнительных преференций. В надежде склонить Данию к договору русский посол обещал министрам короля помимо денег предоставить 50 тыс. бочек хлеба для нужд датской армии и 3 тыс. русских матросов для службы в датском флоте. Для совместного наступления на Швецию в распоряжение датского командования выделялось 10 тыс. русских солдат. В случае же военной угрозы со стороны Стокгольма царь обязался предоставить для защиты датского королевства еще 20 тыс. своих военнослужащих на собственном обеспечении [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 652].

Но без увеличения размера субсидий в Копенгагене не хотели довольствоваться подобными обязательствами русской стороны. Ситуацию усугубила и несогласованность в действиях русской дипломатии. Переговоры о заключении союза велись в разных местах и разными людьми, обладающими разной степенью компетенции и использующими различные дипломатические приемы и тактики.

Стремясь ускорить переговорный процесс, Петр I распорядился направить к отдыхавшему в Венеции Фредерику IV еще одного своего представителя – русского посланника при австрийском дворе барона Урбиха [Возгрин, 1974, с. 312]. Его миссия в Италию оказалась провальной. Король не был настроен совмещать свой досуг с серьезным обсуждением дел и в одностороннем порядке прервал переговоры.

Однако Урбих и после возвращения в Вену не оставлял самостоятельных попыток выполнить задание царя. По собственной инициативе барон вступил в переписку с датскими министрами, и, не имея на то полномочий, пообещал правительству Дании от имени Петра I 600 тыс. талеров за вступление в войну [Возгрин, 1974, с. 325]. Двукратная разница в обещанном размере субсидий ставила Долгорукова в затруднительное положение. Василий Лукич 3 (14) июля 1709 г. официально уведомил датское руководство об отказе России выплатить запрашиваемый им объем денежных средств [Возгрин, 1974, с. 315]. Принимая это решение, посол взял на себя всю полноту ответственности, так как ему еще не было известно о только что произошедшем в Полтаве генеральном сражении между русской и шведской армиями. 19 (30) июля 1709 г. Василий Лукич имел аудиенцию у вернувшегося из Италии датского короля. Фредерик IV повторил требование о выплате 600 тыс. талеров за вхождение в войну и предоставлении необходимых для его армии и флота материалов на сумму 400 тыс. талеров [Возгрин, 1974, с. 316]. Но и на это раз Долгоруков отклонил условия монарха. Переговорный процесс, казалось, зашел в тупик.

В последней декаде июля ситуация стала постепенно меняться. До датской столицы стали доходить первые сведения о победе под Полтавой. На проходившей 31 июля 1709 г. конференции царский посланник в последний раз предложил датчанам изначальный вариант денежных обязательств России [Возгрин, 1974, с. 316–317]. Но и здесь представители датского правительства, проявив недальновидность, отвергли его. Король связывал свои надежды с получением от царя ответа на свой проект договора, отправленный в начале июля в Россию. В письме от 6 августа Василий Лукич писал в Россию, что правитель Дании до сих пор надеется получить от Москвы «больше субсидей нежели я ему обещал» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1029].

В Копенгагене пока не имели представления о масштабе разгрома шведской военной машины, так как первые полученные через иностранные государства известия не содержали точного описания битвы. Поэтому здесь не сразу поверили случившемуся. Датчане не исключали того факта, что успех русской армии может быть сильно преувеличен. Поэтому министры Фредерика IV продолжали настаивать на предоставлении царем денежного обеспечения своих войск.

Желая добиться от русского дипломата нужного для себя решения, датский король снова прибегнул к тактике затягивания переговоров. Его министры надеялись на то, что у русской дипломатии иссякнет терпение и она первой пойдет на уступки.

Однако ставка датчан на «войну нервов» не оправдала их ожиданий. Посол проявил выдержку и хладнокровие. Понимая, что время работает на него, Долгоруков и сам не стал форсировать события. Дипломат сознавал, что после первых дошедших до Дании сообщений о решительной победе в крупном генеральном сражении необходимо взять паузу и дождаться новых инструкций от своего правительства, тем более что «... в нынешнем случае, когда силы швецкие весьма разорены оружием его царского величества, короля дацкого война уже не столь убыточна будет как прежде, ежели б начата была пред таким швецким разорением» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1029]. Здравое оценив ситуацию, Долгоруков пришел к правильному выводу о том, что после уничтожения главной ударной группировки шведских войск общий военный потенциал Швеции сильно подорван, и сообщал Головкину, что в свете новых событий «король датский может довольствоватца и тем, что я ему обещал» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1029]. Посол даже высказал сожаление по поводу своего последнего предложения датчанам 300 тыс. талеров: «ежели б я ведал ранея, не объявил бы им такого великого числа субсидей» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1030]. Новые сообщения о «полтавской виктории» вселили еще больше уверенности в том, что денежные требования датского правительства должны быть пересмотрены. К этому решению Василий Лукич пришел, еще не имея ответа из Посольского приказа.

Выработке столь непреклонной позиции посла способствовали и другие факторы. Прежде всего Долгоруков обратил внимание на широкий размах военных приготовлений, которые начались в начале августа и проходили по всей территории датского королевства. Матросские сборы, приведение кораблей в боевую готовность, набор солдат, закупки для армии хлеба, а также приобретение в Голландии пороха на 140 тыс. талеров в связи с нехваткой собственного – все это говорило о серьезных военных намерениях Дании [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1034].

Поспешность, с которой датчане готовились к военному выступлению, также не могла ускользнуть от внимания Долгорукова. Василий Лукич писал в Москву: «... намерен его величество датский начинать войну 10 сентября или в октябре...» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1028]. Полтавский разгром шведов привел к временному военно-политическому вакууму. Пока Швеция не успела провести военную мобилизацию и хотя бы частично восполнить понесенные потери, можно было, пользуясь случаем, нанести ей удар. Поторапливаться датчан побуждало и то, что катастрофой армии Карла XII могли воспользоваться и иные претенденты на «шведское наследство».

Вероятно, последнее обстоятельство заставило Данию пойти (еще до того, как стало известно о Полтаве) на дипломатическое сближение с Саксонией и Пруссией. Полученная Долгоруковым информация о дипломатических контактах Копенгагена, Дрездена и Берлина также повлияла на его решение не спешить с денежными обещаниями датской стороне [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1029].

Не владея точными сведениями о мотивах этих переговоров, посол, тем не менее, догадывался о наличии договоренностей между их участниками о совместном вступлении в войну против ослабленной Швеции. Сам факт таких контактов датчан с саксонцами и пруссаками показывал заинтересованность Дании в том, чтобы воспользоваться новым раскладом сил, сложившимся еще накануне Полтавы. Логика развития событий и чутье подсказали Долгорукову то, что внешнеполи-

тические консультации датчан с саксонцами и пруссаками зашли слишком далеко, а известия о шведском разгроме и вовсе вынуждали их к активным шагам. При наличии же обязательств перед Саксонией и Пруссией датское королевство все равно будет вынуждено вступить в войну независимо от согласования вопроса о субсидиях с русским царем.

В ходе переговоров, состоявшихся 9 августа 1709 г., Василий Лукич заметил изменение, произошедшее во внешнеполитическом курсе Копенгагена. Дипломат сообщил в Москву о визите к нему датского министра Отто Граббе. Посещая по «собственной» инициативе дом русского посла, королевский сановник хотел тем самым подчеркнуть неформальный и дружеский характер своей миссии. Министр сообщил Долгорукову о том, что Фредерик IV удручен и недоволен снижением активности царского посланника: «король датский говорил с удивлением, для чего ныне я не так прилежно труждаюсь о заключении союза ... как прежде» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1030]. Более того, по словам Граббе, король готов пойти на немедленное подписание союзного трактата, не дожидаясь при этом царского ответа на него [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1030–1031]. Если еще три дня назад датчане затягивали с подписанием договора, то теперь королевские министры стали поторапливать русского посла с его заключением.

Столь резкий разворот в императивах датской дипломатии подтвердил правильность позиции, выбранной Долгоруковым. Из беседы с королевским представителем Василию Лукичу не трудно было сделать вывод о той степени заинтересованности, с которой датское руководство готово было вмешаться в Северную войну. За частным визитом датского министра стояла попытка Фредерика IV побудить русского посла к оформлению союза на оговоренных ранее для себя условиях: «Хотя он мне то сказывал будто по дружбе, а я мню, что от датского короля указ ему есть о том» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1031].

Василию Лукичу удалось установить и причину, вынудившую датчан поменять свое отношение к союзу с царем, – дошедшие до Дании новые подробности случившегося под Полтавой. Так, из Саксонии были получены новости о пленении под Переволочной отступающей шведской армии и всего командования, а также о бегстве в Турцию Карла XII [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1031].

Наконец 12 (23) августа 1709 г. в Копенгаген прибыл царский посланник Авраам Веселовский с официальным извещением Петра I об итогах Полтавы [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1032]. Королю были представлены все необходимые «доказательства» русской победы: реляция, план-схема сражения, личные впечатления очевидца – самого Веселовского. Полученное из «первых рук» описание битвы возымело сильное действие на датское руководство. Долгоруков указывал: «...о той победе уже мало было сумнения, а ныне по приезде Веселовского, когда я объявил, уже все сомнения престали и весма все верят. А прежде не вовсе верили, не чая быть такой полной победе» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1032]. С царским курьером Долгоруков получил и долгожданные инструкции, в которых говорилось: «...ныне уже прежней обещанной дачи субсидий обещать не надлежит, понеже ныне в том и самим нужда» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1037]. Таким образом, предположение Василия Лукича о необходимости воздержаться от представления финансовых обязательств Дании оказались верными и своевременными.

На состоявшейся 16 (27) августа 1709 г. конференции Долгоруков заявил Фредерику IV, что в данный момент по ряду соображений царь не может обещать Дании выплату денег за ее вступление в войну на стороне России [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1033]. Но взамен Петр I может гарантировать датскому монарху военную помощь, чтобы он мог «удовольство себе получить от короны швецкой» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1033]. Русский дипломат обращал внимание датчан на то, что в сложившейся обстановке Россия уже добилась того, что «благополучной с неприятелем мир иметь ныне может» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1033], тем не менее царь готов продолжить борьбу со шведами, но уже в союзе с датским королем.

Однако, получив официальный отказ посла в выплате субсидий, руководство Дании решило продолжить прения по этому вопросу. Долгорукову было заявлено, что при подготовке датским королевством войны против Швеции в смету военных расходов были включены и ранее обещанные царские деньги. А отказ русских от субсидирования, по мнению датчан, якобы ставит под угрозу срыва открытие боевых действий, так как королевский флот «вооружить будет нечим» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1033–1034].

В арсенале датских министров имелся еще один, более весомый, аргумент – очередное пись-

мо барона Урбиха от 7 (18) августа 1709 г., в котором он обещал правительству Дании 500 тыс. талеров за вхождение в антишведский альянс [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1036]. Позже Головкин известит Долгорукова о том, что сделанное Урбихом предложение не было согласовано с Москвой и что за это самоуправство «к нему неоднократно с гневом писано, дабы в те дела не вступался» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1041].

Несвоевременное вмешательство Урбиха дало повод королевским министрам упрекнуть Долгорукова в том, что, не имея царского указа, он отказывает Копенгагену в субсидиях из-за желания выслужиться перед своим государем [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1035]. Царскому представителю стоило немалых усилий, чтобы убедить датских министров не надеяться на нелепое письмо своего коллеги с явно завышенными обещаниями. Долгоруков заявил датчанам, что Урбих писал к ним исходя из устаревших инструкций, в то время как у него имеются самые последние указания с окончательным решением царя [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1039].

Несговорчивость русского посла вынудила Фредерика IV взять очередную паузу в переговорах. Узнав о приезде в Польшу Петра I, датский король в конце августа отправил туда своего чрезвычайного посланника барона Рантцау, намереваясь в обход непреклонного Долгорукова решить с царем вопрос о субсидиях. Однако поездка датского дипломата оказалась бесплодной. Петр I заявил королевскому представителю, что все нюансы договора он будет уточнять через своего посла в столице Дании [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1394–1395].

По всей видимости, и сам датский монарх не возлагал на миссию Рантцау слишком больших надежд. Так, еще не дождавшись его ответа, король затребовал у Долгорукова русскую версию договора [Возгрин, 1974, с. 319]. Царский посол 29 августа (9 сентября) 1709 г. предъявил Фредерику IV перечень предложений, приемлемых, по мнению Москвы, для оформления союза [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1043]. 7 (18) сентября Василий Лукич впервые был официально извещен канцлером Сехестедом о том, что король согласился использовать русский вариант предложений для выработки общего трактата [Возгрин, 1974, с. 319]. Эти события можно считать переломным моментом переговорного процесса. Борьба русской дипломатии за возвращение Дании в Северную войну стала приближаться к финалу.

Однако по ряду причин подписание союзного договора откладывалось.

Работу русского дипломата сильно осложнило резко изменившееся отношение морских держав к новому этапу северного конфликта. Раньше англичан и голландцев устраивала борьба русских и шведов в далеких пределах Восточной Европы, но после уничтожения армии Карла XII под Полтавой, главная арена противостояния должна была неминуемо сместиться к границам шведской державы и прежде всего в ее владения, расположенные в Северной Германии. Последнее обстоятельство в силу ряда причин затрагивало интересы Большого альянса. В Лондоне и Гааге ревностно следили за тем, чтобы никакие «колебания извне» не нанесли ущерба их планам в «испанской» войне. Поэтому морские державы сменили свой курс во внешней политике: если до Полтавы они побуждали Данию к войне со Швецией, то теперь стремились удержать ее от этого. Долгорукову пришлось оказывать противодействие попыткам Англии и Голландии препятствовать восстановлению Северного союза.

Еще одним препятствием на пути к заключению союзного договора стало сопротивление партии противников войны со Швецией в самой Дании. Среди представителей датской аристократии было немало влиятельных лиц, которым принадлежали поместья в соседнем немецком княжестве – дружественной шведам Голштинии [Крылова, 1959, с. 160]. Поэтому они не были заинтересованы в полном разрыве отношений со Стокгольмом. В правительстве Дании этот антивоенный лагерь возглавлял министр Лент [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1039].

Уже 4 (15) октября 1709 г. Василий Лукич сообщал в Москву о том, что некоторые министры, противники войны, используя панику, возникшую в результате приближения к границам датского королевства шведского корпуса генерала Крассау, стали распространять слухи о том, что русское командование вместо того, чтобы перехватить в Польше шведские войска, преднамеренно позволило им уйти в Померанию. При этом они пытались убедить Фредерика IV в том, что это была месть русского царя за то, что король в свое время не оказал ему необходимую помощь против шведов [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1390]. В письмах из Москвы Долгорукову предписывалось опровергнуть все эти инсинуации и убедить напуганных датчан в том, что русским войскам по объективным причинам не удалось пресечь отступление шведов из Польши в Померанию [ПБПВ,

1952, т. 9, вып. 2, с. 1392–1393].

Царский посол в противовес Ленту и его окружению сумел наладить при датском дворе необходимое взаимодействие с партией сторонников войны. Для более эффективного предотвращения происков враждебной группировки Василий Лукич предлагал своему начальству оказывать финансовое поощрение дружественным России министрам. Последние должны были «уберечь» короля от «неуместных советов» и нейтрализовать интриги поборников мира [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1407].

Одной из причин откладывания подписания договора могло быть ожидание датским правительством ответа от прибывшего в сентябре 1709 г. в Россию своего посланника Юста Юля [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1045]. Фредерик IV надеялся, что его представитель, будучи опытным морским офицером, сможет использовать слабые стороны русского флота для того чтобы выторговать субсидии у царя. Однако, приехав в Россию, Юль не застал в ней Петра I. В ожидании царя королевский посол был выключен из переговорного процесса и не смог совершить тот дипломатический прорыв, на который рассчитывали в датской столице.

Встреча датчанина с Петром I состоится уже после подписания Долгоруковым русско-датского договора. Однако решение вопроса о субсидиях – главная цель его визита – повисло в воздухе. Датский посол жаловался в своих отчетах на то, что русская сторона уклоняется от серьезных переговоров, царские министры обсуждают с ним лишь второстепенные вопросы. Царь изнурял королевского посланника веселым времяпрепровождением, порой доходящим до спаивания последнего [Юль, 2001, с. 225]. Русскому государю нужно было заключить соглашение через своего представителя в Копенгагене, лучше знающего положение дел в Дании, видящего ситуацию «изнутри» и имеющего большую возможность изучить нюансы европейской политики. Поэтому дипломатический успех Василия Долгорукова в Дании напрямую зависел от провала миссии Юста Юля в России.

В Копенгагене тем временем царский посланник предлагал Фредерику IV поторопить события и воспользоваться удобным моментом для реванша. Пока участники войны за испанское наследство были скованы противоборством, Дания могла без опасения вмешательства третьей стороны разрешить свои проблемы со шведами. Но если датский король промедлит с выступлением, то «уже такого удобного времени не найдет и те области его не допустят» [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1039]. Долгоруков предупреждал, что заключение мира между Францией и морскими державами может перечеркнуть внешнеполитические планы Копенгагена.

У Василия Лукича имелся и еще один аргумент. Посланник намекал датчанам на то, что альтернативой их скорого вступления в войну может быть достижение русским правительством приемлемого мира со Стокгольмом. «Все им сказал: ежели скоро не заключат, могут переменитьца дела и быть такие случаи, которых, чаю, хотя они похотят, царское величество тогда не соизволит», – писал он Г.И. Головкину 17 (28) сентября 1709 г. [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1046]. Посол тем самым ставил Данию перед выбором – либо вместе с русским царем «дожать» ослабленного недруга, либо распрощаться с планами возврата утраченных в предыдущих войнах со шведами земель.

К этому времени военная машина датского королевства уже набрала обороты. В Швеции заметили военные приготовления датчан и стали принимать контрмеры [ПБПВ, 1952, т. 9, вып. 2, с. 1043–1044]. Обе стороны стягивали силы к Зундскому проливу. Отступать копенгагенскому правительству было уже поздно.

Поэтому 11(22) октября 1709 г. русско-датский оборонительный и наступательный союз был, наконец, заключен в Копенгагене. Дания обязалась начать боевые действия против шведов в Скотландии и Норвегии. Вступление датского королевства в войну существенно облегчало положение России. Против Швеции открывался «второй фронт». Военные действия впервые за годы противостояния переносились на исконные шведские земли. Для их защиты Стокгольм был вынужден оттянуть часть сил с восточных окраин своей державы, что в немалой степени облегчило русскому царю завоевание в 1710 г. шведских владений в Ливонии и Карелии [Возгрин, 1974, с. 327]. Вступление датского флота в морскую войну ослабило позиции шведов на Балтике.

Во все это, несомненно, был и весомый вклад русского посланника в Дании. Трезвый анализ ситуации, оперативная реакция на меняющуюся обстановку, умение в переломные моменты брать на себя ответственность, не дожидаясь указаний своего правительства, немало способствовали успеху переговоров. Несмотря на сложную обстановку и действие целого ряда неблагоприятных

факторов, Василий Лукич сумел свести к минимуму уступки датским партнерам и исключить из договора вопрос о субсидиях. В разгар финансово-экономического кризиса, когда каждый рубль в казне был на счету, он сэкономил немалые средства в бюджете страны и имел все основания с гордостью писать Головкину: «Не дал ни человека, ни шелега!» [Соловьев, 1962, с. 285]. Его усилия были по достоинству оценены Петром I, сохранившим его на ключевом посту русского представителя в Дании вплоть до конца Северной войны.

Библиографический список

- Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894.
Возгрин В.Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. // Ист. записки. М., 1974. Т. 93.
Возгрин В.Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697–1716): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.
Крылова Т.К. Внешняя политика России после Полтавы 1709–1710 гг. // Полтава: сб. ст. М., 1959.
Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6; М., 1951. Т. 8, вып. 2.; 1952, Т. 9, вып. 2 (ПБПВ).
Донесения и бумаги английских послов и посланников при русском дворе с 1708 по 1711 г. // Сб. имп. Российского ист. общества. СПб., 1886. Т. 50.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8, т.15.
Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. М., 2002. Т. 2.
Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.11.2015

VASILY DOLGORUKOV'S STRUGGLE FOR THE RETURN OF DENMARK TO THE NORTHERN ALLIANCE IN 1709

Yu. G. Kosintsev

Lipetsk State Pedagogical University, Lenin str., 42, 398020, Lipetsk, Russia
yuri.kosincev@mail.ru

The paper discusses the problems of Russian-Danish relations at a critical stage of the Great Northern War and the role of the Russian ambassador Dolgorukov in alliance between Moscow and Copenhagen. The author emphasizes the interest of Russia in union with Denmark: it was extremely difficult to continue the war with moving operations to the Baltic battlefield without Denmark's powerful navy because the Russian fleet was still weak. The importance of Dolgorukov's mission in the opinion of the Russian government and the ruler is emphasized in the article. The author allocates the main stages of the Russian-Danish rapprochement that began in autumn of 1708, but proceeded at first slowly and carefully. The results of the Poltava battle became the turning point and significantly accelerated the course of negotiations forcing the Danish party to make considerable concessions. At the same time, tough negotiations were being held, and the analysis of emerging problems shows the importance of a personal factor in history. The result of negotiations could not be so considerable without active efforts of Dolgorukov and his determination to make independent initiative decisions in difficult situations. The author shows the major factors which detained the entry of Denmark into the anti-Swedish alliance – starting with a position of the Danish government and the Danish elite and to the influence of the current international situation. The interrelation and interference of two largest conflicts of that time, the War of the Spanish Inheritance and the Great Northern War, are under analysis. The participants of “the Spanish war” – the sea powers England and Holland followed the developed antagonism in the northeast of Europe, but also actively interfered with its course that significantly complicated the realization of the tasks set by Dolgorukov. Some additional obstacles were created - on the one hand, the overestimated expectations of the Danish government, and on the other hand, the limitation of Russian resources enduring an acute financial crisis. In connection with it, minimization of monetary subsidies to the Danish party, and whenever possible, its replacement with other types of help became one of the main tasks of Dolgorukov. Hindrances were created by an inappropriate activity of hired Russian diplomats abroad (in particular, the baron Ubrikh promising the overestimated sum of subsidies). The author shows that the Russian party managed to intercept an initiative in the negotiations and use the

blunders of Danes. They sent their own representative Yust Yul too late. He was actually excluded from negotiations, in which the Russian ambassador in Copenhagen began to play the major role. Despite the short period of his diplomatic career and a lack of diplomatic experience, Dolgorukov managed to use the situation, that promptly changed after Poltava, and the desire of Danes to use immediately current situation for the fight against the weakened Sweden. As a result, he managed to reach the agreement of a military alliance with minimum concessions and minimum expenditure from Russia. Dolgorukov's contribution to the fast restoration of the anti-Swedish coalition in 1709 was quite powerful and demonstrated the productivity of Peter the Great's policy on the formation of diplomatic corps in the form of continuous missions abroad.

Key words: Peter I, Frederick IV, Vasily Dolgorukov, Great Northern War, Denmark-Russia alliance.

References

- Bantysh-Kamenskiy N.N.* Obzor vneshnikh snosheniy Rossii. M., 1894.
Doneseniya i bumagi angliyskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore s 1708 po 1711 g. Sb. imp. Rossiyskogo ist. obshchestva. SPb., 1886. T. 50.
Krylova T.K. Vneshnyaya politika Rossii posle Poltavy 1709–1710 gg. *Poltava: Sb. st.* M., 1959.
Milyukov P.N. Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. SPb., 1905.
Nikiforov L.A. Russko-angliyskie otnosheniya pri Petre I. M., 1950.
Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. SPb., 1912. T. 6; M., 1951. T. 8, vyp. 2.; 1952, T. 9, vyp. 2.
Shtentsel' A. Istoriya voyn na more s drevneyshikh vremen do kontsa XIX v. M., 2002. T. 2.
Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. M., 1962. Kn. 8, t.15.
Vozgrin V.E. Rossiya i evropeyskie strany v gody Severnoy voyny: Istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v 1697–1710 gg. L., 1986.
Vozgrin V.E. Russko-datskiy soyuz v Velikoy Severnoy voyne (1697–1716): avtoref. dis... kand. ist. nauk. M., 1977.
Vozgrin V.E. Zaklyuchenie russko-datskogo soyuznogo dogovora 1709 g. *Ist. zapiski.* M., 1974. T. 93.
Yul' Yu. Zapiski datskogo poslannika pri Petre Velikom. *Lavry Poltavy.* M., 2001.